

Отзыв
официального оппонента на диссертацию на соискание ученой степени кандидата
филологических наук Бороздиной Марии Александровны
на тему: «Литературная позиция Н. А. Чаева»
по специальности 10.01.01 – Русская литература

Диссертационное исследование Марии Александровны Бороздиной посвящено актуальной теме — комплексному изучению творчества Николая Александровича Чаева (1824-1914), поэта, драматурга и прозаика. В задачу исследования входит восстановление целостного образа писателя, его литературной биографии и репутации, рассмотренной в историко-культурном контексте эпохи. Цель, поставленная соискателем ученой степени, безусловно, заслуживает поддержки, прежде всего потому, что Мария Александровна отчетливо формулирует поставленные задачи и пути их решения. Научная реабилитация Н.А.Чаева, осмысление исторических обстоятельств и причин незаслуженного забвения, всестороннее описание различных этапов творческого пути, — вот, собственно, те основные и глубоко осмысленные задачи, которые ставит перед собой соискатель и последовательно решает их, пошагово выстраивая систему аргументированного анализа художественных текстов и документов. К объективным процессам, не в последнюю очередь повлиявшим на маргинализацию фигуры Н.А.Чаева, Мария Александровна Бороздина справедливо относит чрезвычайно краткий период популярности Н.А.Чаева у читательской и зрительской аудитории. Он пришелся на несколько лет в конце 1860-х — начале 1870-х гг. Однако пребывание в литературе Н.А.Чаева несравненно дольше и занимает почти полвека. В данном аспекте рассуждений, наверное, было бы правильным более четко сформулировать смену нескольких исторических эпох, в том числе литературных, свидетелем и непосредственным участником которых Н.А.Чаев был на протяжении всего времени, совмещая службу и творческие занятия, не уходя из литературы, а лишь меняя «амплуа». Это литературное достаточно устойчивое «долгожительство» и вместе с тем «мерцающий», короткий успех составляет одну из базовых смысловых коллизий в реконструкции не просто Н.А.Чаева как частного случая второстепенного писателя, а шире — в поиске ключей к той самой литературной позиции, социокультурным факторам, обуславливающим ее динамику, в обнаружении подходов к изучению писательской эволюции, которой посвящено настоящее диссертационное исследование.

Трудно не согласиться с утверждением М.А.Бороздиной о том, что исследователи и критики творчества Н.А.Чаева, как при жизни, так и в более позднее время, рассматривали

преимущественно драматургические сочинения, тем самым отчасти исказив его подлинный писательский облик. Поэтому введение в исследовательский контекст и других жанров, а именно рассмотрение поэзии и прозы Н.А.Чаева, представляется более чем обоснованным. Хотелось бы поддержать магистральный исследовательский тезис в концепции М.А.Бороздиной, снимающий деление на центр и периферию в литературе: «Для современной научной ситуации характерно скептическое отношение исследователей не только к традиционным литературным иерархиям, но и к иерархиям вообще, заметно стремление представить историю литературы не как галерею великих писателей, но как сложное многосоставное поле, в котором работают писатели и драматурги разной степени таланта и влияния, творя историю коллективными усилиями».

Именно данный концептуальный ракурс диссертации обеспечивает актуальность монографического исследования. Прочность «срединной» специфики положения Н.А.Чаева в литературе позволяет соискателю заявить о предъявлении собственной исследовательской оптики, опирающейся на понятие «литературной позиции». Закономерна теоретическая основа, в данном случае учитывающая разработки отечественных исследователей (Б. М. Эйхенбаума, Ю. Н. Тынянова, Ю. М. Лотмана, Б. В. Томашевского, Л. Я. Гинзбург, В. В. Виноградова, Б. А. Ларина, В. Э. Вацура и др.). Но недостаточно обоснованным кажется фокусировка на диссертации Д. М. Хитровой, посвященной литературной позиции Е.А. Баратынского.

Научная новизна исследования заключается в том, что в диссертации впервые предпринята попытка реконструировать литературную позицию писателя и ее эволюцию на протяжении всего творческого пути Чаева. В диссертации вводятся в научный оборот материалы, ранее не привлекавшиеся исследователями (письма и некоторые неопубликованные художественные тексты Чаева), и, кроме того, сделана убедительная попытка прояснить соотношение оригинального и вторичного в творчестве Н.А.Чаева на фоне достижений «крупных литературных величин», выявить художественную неповторимость языка произведений Н.А. Чаева.

В связи с логикой поставленных задач и четким пониманием способов их решения, а также привлекаемых исследовательских инструментов, соискатель находит и оптимальную композиционную структуру для анализа материалов.

Диссертационное исследование общим объемом 155 страниц включает следующие разделы: введение, три главы, разбитые в свою очередь на параграфы. (Первая — «Н. А. Чаев как драматург». В ней рассматриваются драматические сочинения Чаева, которые условно поделены на две тематические группы: историческая драматургия и пьесы, тяготеющие к типу «тенденциозных». Это самая обширная и обстоятельная глава,

системно и убедительно рассматривающая закономерности театра Чаева; вторая и третья главы последовательно посвящены аналитическому описанию других составляющих чаевского «универсализма» — прозе и поэзии), заключение, список использованных источников и литературы, который состоит из 229 позиций, и приложения.

К числу размышлений, вопросов и пожеланий можно отнести следующие:

Во втором очень важном параграфе первой главы — «Жанр исторической хроники в творчестве Чаева» — внимание М.А. Бороздиной сосредоточено на ранней драматургии Чаева — его пьесах «Князь Александр Михайлович Тверской» (1864) и «Дмитрий Самозванец» (1865). При всех важных и скрупулезных наблюдениях над историей создания и бытования исторических пьес Н.А. Чаева было бы не лишним учитывать и «горизонтальный» срез исторических сочинений этого периода, художественных в первую очередь. Имеются в виду многочисленные трактовки одного и того же исторического образа разными авторами. Революционная ситуация 1860-х гг., вылившаяся затем в индивидуальный террор, дала множество произведений о самозванстве, предназначенных для сцены — среди прочего: хронику Островского «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» (1867), «Царя Бориса» (1869) А. К. Толстого, «Смерть Тарелкина» (1869) Сухово-Кобылина. Достоевский был тем автором, который отразил в это время свой писательский интерес к лицам, претендующим на неподобающую им позицию в обществе. В «Селе Степанчикове и его обитателях» (1859) он сделал самозванца, тиранящего окружающих, литератором, назвав его «Опискиным» по морфологическому сходству с «Отрепьевым». В том, что мы сталкиваемся здесь с намеком на подлинное имя Лжедмитрия I, не приходится сомневаться, поскольку в «Селе Степанчикове» присутствует еще и синонимичный «Отрепьеву» «Обноскин», конкурент приживальщика Опискина, узурпирующий чужую идею женитьбы на богатой невесте. В «Бесах» (1870–1871) Достоевский связал продолжившуюся в терроре русскую революцию с самозванством и притом не только Григория Отрепьева, но и Тимофея Акундинова. Здесь было бы полезно учесть такие исследования, как работа Игоря Смирнова «Философский комментарий. Статьи, рецензии, публицистика 1997-2015». Кроме того, полезны работы Б.А. Успенского. «Царь и самозванец: Самозванчество в России как культурно-исторический феномен», О.Е. Майоровой «Царевич-самозванец в социальной мифологии пореформенной эпохи». Не только историография, но и проза и драматургия 1860-х гг. отмечены повышенным интересом к Смутному времени и к загадочной фигуре Лжедмитрия, задавшего модель поведения, которая проецировалась на судьбы его последователей — тех, для кого самозванчество «стало уже профессией», по удачному выражению В. С. Иконникова. Об особом положении Лжедмитрия в культурном

пространстве 1860-х гг. свидетельствует прежде всего репертуар русского театра. В 1866 г. анонимный сотрудник «Современника» не без раздражения констатировал: «Дмитрий Самозванец и вообще время самозванцев» по-прежнему, как и во времена Сумарокова, как и в 1830-е гг. (когда появились «Дмитрий Самозванец» А. С. Хомякова, а затем М. П. Погодина), «составляет любимый и самый избитый сюжет наших драматургов». Статья явилась откликом на постановку пьесы Н. А. Чаева «Дмитрий Самозванец» (1866), которая, к удивлению и полному недоумению рецензента, «производила фурор на театре обеих столиц» (Современник. 1866, № 2: 241). В те же годы композитор А. Н. Серов вынашивал замысел оперы «Дмитрий Самозванец» (замысел не был осуществлен), а в 1865 г. А. К. Толстой намеревался завершить драматическую трилогию пьесой «Дмитрий Самозванец» (см.: Толстой, 1963, IV, 167; впоследствии Толстой отказался от этого плана).

Во второй главе фундаментально обсуждаются исторические романы Н.А. Чаева. Думается, что было бы полезным расширить компаративистский контекст в данном разделе и учесть связь поэтики исторической беллетристики Чаева с теми напряженными журнальными дискуссиями, в ходе которых обсуждалась специфика жанра в последней трети XIX века, а также поставить вопрос о соотношении поэтики исторического романа Н.А. Чаева с газетно-журнальными формами бытования литературных произведений в это время, да и с журнальными контекстами в целом. В этой связи помогла бы работа (Пенская Е.Н. Исторический роман XIX века // Историческая культура императорской России. Формирование представлений о прошлом. М.: ИД ВШЭ, 2012), где собрана обширная библиография по данной теме).

В качестве общего пожелания хотелось бы видеть возможность структурирования работы не только по жанровому и «отраслевому» принципу, но и проблемному.

В целом работа выполнена на высоком научном уровне, достоин поощрения обширный круг привлекаемых источников. Особая ценность работы заключается в привлечении архивных материалов, в том числе неопубликованного эпистолярного наследия писателя, с помощью которого появляется возможность установить литературные связи Чаева.

В Приложении содержится опись личных фондов Чаева — в ГЦТМ им. А. А. Бахрушина в Москве и ИРЛИ РАН в Санкт-Петербурге.

Все указанные выше замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 10.01.01 — Русская

литература (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Бороздина Мария Александровна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 — Русская литература.

Официальный оппонент:

Доктор филологических наук, профессор,

Руководитель департамента общей и прикладной филологии

Факультета гуманитарных наук

ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский университет

Высшая школа экономики»

Пенская Елена Наумовна

/Пенская Е.Н./

02.12.2019

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

10.01.01. – Русская литература

Адрес места работы: 101000, Российская Федерация, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Тел.: 8 (495) 916-89-00

E-mail: lpenskaya@hse.ru

Подпись сотрудника организации

Подпись заверяю

Ведущий
КАДРОВОМУ
Живцова
СПЕЦИАЛИСТ ПО
ДЕЛОПРОИЗВОДСТВУ
Ю.С.

02.12.2019